

Парадоксов друг

Культура. 2001. — 27 сент. — 30 кт. с. 7

Наверное, нет человека в нашей стране, который не знал бы артиста Игоря Ясуловича. Он снялся в маске фильмов. Когда нужно было показать хрупкого интеллигента, или, скажем, студента, или маменькиного сынка, или аристократа, или иностранца, то показывали Ясуловича. Сублинная внешность, кроткие глаза, изощренность жеста.

В нашем псевдомхатовском, рыхлом кинематографе вместе с ним вдруг появлялись стиль, манера, изыск.

Театральный зритель его обожает. Когда он выходит на поклон, публика неистовствует, какую бы он роль ни играл — большую или маленькую. Даже трагический порыв у Ясуловича проявляется эксцентрично и парадоксально.

В "Грозе" он играет не человека, а глас вопиющего в пустыне. Именно так, потому что уже тела нет, человека нет — только глас. Не случайно он забирается черт знает куда, на опасную высоту, на третью галерею, и оттуда кричит: "Гроза!" И так счастлив, так счастлив, что гроза приходит.

О Кулигине в "Грозе" можно написать рассказ, смакуя детали, но увы, газетное пространство ограничивает, а критики и без того осветили эту роль.

Как передать то чувство, тот удар в сердце, который получаешь, когда в спектакле "Пушкин. Дуэль. Смерть" видишь, как, вцепившись в поднимающийся вверх стол (гроб?), повисает Ясулович. Висит, стиснув зубы, с пустыми глазами. Надо иметь за плечами серьезную биографию, нести ответственность за каждый прожитый год жизни, чтобы у тебя было такое лицо.

В его Шабельском (спектакль "Иванов и другие") поражает, как брезгливо и высокомерно берет он перчатку, вызывая на дуэль доктора Львова. Как на жалобу Сарры "...опять сова кричит" отчаянно произносит: "Пусть кричит!" Как холодно и свысока бросает плачущей Бабакиной: "Отойдите от меня!" Как мелко семенит ножками в минутном предвкушении женитьбы на той же Бабакиной. Трудно остановиться в перечислении. Стариковская беззащитность приживала и высокомерная брезгливость аристократа — из этого Ясулович строит роль.

Почти бессловесная "партия" Исаака Иегуди Эбершта, синагогального ортодокса, отца блистательного короля канкана Жака

И Ясулович

Оффенбаха, изумляет. Это сгусток отцовской любви и преданности, понимания и тепла. Без сусальности, без сюсюканья. Незабываемо, как протирает сыну очки, как без слуха и голоса поет ему песенку, как посылает его на триумфальные поклонь!

Игорю Ясуловичу — 60. Трудно поверить. Он, как летучая мышь, висит вниз головой и выполняет немислимые, почти цирковые трюки на опасной высоте в "Черном монахе". Он по-прежнему изыскан пластически, темпераментен, умен и остроумен. Он всегда с готовностью отзывается на любые, самые рискованные режиссерские предложения и предлагает режиссеру еще более немислимые.

Ясулович, актер старшего поколения, всегда относится к роли, как первокурсник. С той же самоотверженностью, отдачей, с той же степенью надежды и предвкушения, с тем же ощущением ставки всей жизни на роль. Чувствуется традиция старой русской актерской школы, умноженная на личность. Он прошел очень жесткую школу жизни, учителя были хорошие, и биография хорошая — честная биография, — поэтому его нравственный стержень чрезвычайно опорен.

Присутствие Ясуловича в труппе дает театру, климату в театре очень многое. Вообще, кажется, мы нашли друг друга — театр и он, мы и он.

Генриетта ЯНОВСКАЯ,
Кама ГИНКАС